

Н. В. НОВИКОВА

«Чеховиана» журнала «Заветы» (1912–1914)

Ровно сто лет тому назад появился толстый журнал общественно-литературного характера с говорящим названием «Заветы», с портретами А. Герцена и Н. Михайловского под обложкой*. Название это позиционировало не только преемственность идей, завещанных столпами освободительного движения, но и внимание к тому, что завещано русской классической литературой. Весь ее цвет XIX столетия щедро представлен на страницах неонароднического (эсеровского) ежемесячника. Щедринской можно назвать четвертую книгу «Заветов» за 1914 год, выпущенную к 25-летию со дня смерти писателя**; в нескольких номерах помещены обширные статьи В. Евгеньева о Н. Некрасове; об А. Пушкине, И. Тургеневе, Ф. Достоевском, Л. Толстом специальных работ в журнале нет (исключение — двухстраничная заметка Р. Иванова-Разумника «Памяти Л. Толстого»), но к духовно-нравственному авторитету и наследию этих художников апеллируют в своих программных выступлениях и В. Чернов — поли-

* Подробнее: Новикова Н. В. 1) Журнал «Заветы» (1912–1914): к истории создания, становления, рецепции // *Изменяющаяся Россия — изменяющаяся литература: художественный опыт XX — начала XXI веков [Текст]: Сб. науч. тр. Выпуск II / Сост., отв. редактор проф. А. И. Ванюков. Саратов, 2008. С. 44–50; 2) Р. В. Иванов-Разумник — редактор и автор журнала «Заветы» (1912–1914) // *Литературно-критические выступления Р. В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы» / Сост., автор вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Под ред. Е. П. Никитиной, И. А. Книгина. Саратов, 2007. С. 3–44.**

** Новикова Н. В. М. Е. Салтыков-Щедрин в журнале «Заветы» (1912–1914) // *ФІЛІА ЛОГОУ: Сборник научных статей в честь 70-летия профессора Валерия Владимировича Прозорова / Сост., отв. редактор проф. И. Ю. Иванюшина. Саратов, 2010. С. 233–239.*

тический редактор «Заветов», и Р. Иванов-Разумник — литературный их редактор*.

Имя А. Чехова появляется в журнале тоже неоднократно: в постоянных рубриках констатирующего характера (таких как «Перечень книг, присланных в редакцию», — здесь поочередно называются три тома чеховских писем, отрецензированных и изданных М. Чеховой), в «Книжных новостях» (к примеру, фиксируется выход 14-го тома Собрания сочинений А. Амфитеатрова, в мемуарах которого — «Славные мертвецы» — речь идет и об А. Чехове). Обращается к личности и творчеству А. Чехова литературная критика «Заветов». Прежде всего отметим, что имя писателя упоминается в программном контексте одного из годовых обзоров Р. Иванова-Разумника. Настойчиво опровергая мнение об «оскудении» современной литературы, критик ссылается на критическую ситуацию восьмидесятых годов — «дырявых» годов, которые «окрашивают собой эпоху, делают ее периодом временного упадка», поскольку «ушел в себя от литературы Л. Толстой, умер Достоевский, заканчивали свою деятельность яркие таланты предыдущего поколения — Глеб Успенский, Салтыков»**. Соглашаясь с оппонентами («тут, действительно, было от чего в отчаяние прийти!»), он еще более усугубляет впечатление, перечисляя тех, кем «была заполнена» литература восьмидесятых: «А вот не угодно ли: восходящей звездой считался Потапенко, восторженно хвалили многократных “Мимочек” г-жи Микулич-Веселитской, читали рассказы Мачтета, повести Салова <...> В поэзии царил Надсон <...> типичный поэт литературного упадка»***. К этим добавлены еще несколько фигур (Вс. Соловьёв, «салонный Апухтин», Эртель, Атава, Станюкович, Альбов). «Только три имени разной величины

* Новикова Н. В. 1) Ф. Достоевский в нравственно-философском контексте литературной критики Р. В. Иванова-Разумника // X Виноградовские чтения: Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Т. 2. Фольклор и литература: восприятие, анализ и интерпретация художественного текста. Материалы международной научной конференции 15–17 ноября 2007 года / Ред.-сост. С. А. Джанумов. М., 2007. С. 123–129; 2) «Великие искания» Л. Толстого в литературно-критической интерпретации Р. В. Иванова-Разумника // Русское литературоведение на современном этапе: Материалы VI Международной научной конференции: в 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 87–91.

** Иванов-Разумник Р. В. Русская литература в 1913 году // Литературно-критические выступления Р. В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: Учеб. пособие для студ., обучающихся по напр. 031000 и спец. 031001 «Филология» / Сост., автор вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Под ред. Е. П. Никитиной, И. А. Книгина. Саратов, 2007. С. 66.

*** Там же. С. 66.

и разного значения связаны с этим десятилетием: Чехов, Короленко, Гаршин»*, — утверждает Р. Иванов-Разумник. Экскурс понадобился ему для того, чтобы аргументировать уверенность в «неизжитых силах» современной литературы: над «серым, бедным, бледным», «на гребне литературной волны», сейчас, в начале 1910-х годов, как и тогда, есть «развивающиеся дарования»**. Как видим, А. Чехов, по Р. Иванову-Разумнику, «несколькими этажами»*** выше большинства своих литературных современников. Он для критика, безусловно, — в ряду классиков, чье художественное наследие востребовано читателем, ищущим ответа на судьбоносные вопросы.

Развернутых разумниковских размышлений об А. Чехове «Заветы» не дают. Фигура умолчания может объясняться наличием законченного высказывания, до появления журнала трижды (с 1907 по 1911 г.) увидевшего свет в составе обширного труда Р. Иванова-Разумника «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века». Автор различает драматические перипетии чеховского выхода из тупика мещанства, идею спасения в так называемом прогрессе и — неполноту веры писателя в него, раздвоение, избавление от которого в том, что мыслитель называет «этическим индивидуализмом», то есть в признании челове-

* Там же. С. 66. Ср.: Н. Михайловский в 1890 г. называл А. Чехова «пока единственным действительно талантливым беллетристом из того литературного поколения, которое может сказать о себе, что для него “существует только действительность, в которой ему суждено жить” и что “идеалы отцов и дедов над ним бессильны”» (*Михайловский Н. К. Об отцах и детях и о г-не Чехове // А. П. Чехов: pro et contra / Сост., предисл., общая редакция И. Н. Сухих, послесл., примеч. А. Д. Степанова. СПб., 2002. С. 84*). В четвертом номере «Русского богатства» за 1900 г. он же писал об А. Чехове как о «человеке высокодаровитом», у которого «нет сколько-нибудь ярких литературных ровесников: все сколько-нибудь ценное в литературе или гораздо старше его, или развернулось значительно позже <...> Чехов начал свою литературную деятельность в необыкновенно трудное для начинающего писателя время. Разумею <...> ту надломленность недавних идеалов и верований, которая овладела обществом без замены их какими бы то ни было иными идеалами и верованиями, ту странную и страшную серость и плоскость, которая так или иначе должна была отразиться на литературе вообще, на начинающем писателе в особенности» (*Михайловский Н. К. Кое-что о г. Чехове // Михайловский Н. К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX — начала XX века / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Б. Аверина. Л., 1989. С. 523*).

** *Иванов-Разумник Р. В. Русская литература в 1913 году // Литературно-критические выступления Р. В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: Учеб. пособие для студ., обучающихся по напр. 031000 и спец. 031001 «Филология» / Сост., автор вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Под ред. Е. П. Никитиной, И. А. Книгина. Саратов, 2007. С. 67.*

*** Там же. С. 66.

ческой личности первой и главной ценностью, в признании высшего личностного значения и достоинства, воплощающихся в тяготении к культуре, в обретении внутренней красоты и совести*. Таким образом, единичные «заветовские» отсылки Р. Иванова-Разумника к Чехову — сигналы концептуальной неизменности его трактовки художественного мира писателя**.

В Отделе библиографии «Заветов» помещены рецензии А. Дермана на упомянутые выше эпистолярные тома А. Чехова; наконец, к десятилетию со дня смерти писателя здесь публикуются две специ-

* Новикова Н. В. А. Чехов и Л. Толстой: от Р. Иванова-Разумника к А. Скафтымову // Чеховские чтения в Ялте: вып. 16. Чехов и Толстой: К 100-летию памяти Л. Н. Толстого. Сб. науч. тр. / Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. Симферополь, 2011. С. 69–83.

** Р. Иванову-Разумнику довелось обозревать чеховский путь в целом, после ухода писателя. Ср. его понимание этапов внутреннего развития художника с оценками А. Чехова Н. Михайловским. Подходя к нему с мериллом общественной состоятельности, критик поначалу считает талант А. Чехова «даром пропадающим талантом» (Михайловский Н. К. Об отцах и детях и о г-не Чехове // А. П. Чехов: pro et contra / Сост., предисл., общая редакция И. Н. Сухих, послесл., примеч. А. Д. Степанова. СПб., 2002. С. 84. Далее — с указанием страниц в тексте. — Н. Н.), писателя — гуляющим «мимо жизни» (С. 85): он-де, в отличие от предшественников, которым не были чужды идейно-нравственные ценности, «с холодной кровью пописывает, а читатель с холодной кровью почитывает» (С. 86), а «мог бы и светить, и греть» (С. 84). Н. Михайловский выносит суровый приговор чеховской «безыдейности»: «При всей своей талантливости г-н Чехов не писатель, самостоятельно разбирающийся в своем материале и сортирующий его с точки зрения какой-нибудь общей идеи, а какой-то почти механический аппарат» (С. 91). Наконец, только «Скучной истории» он не отказывает в «авторской боли» (С. 92) и, опасаясь нового «наплыва мутных волн действительности», предначертывает писателю такой «след в литературе»: «Если он решительно не может признать своими общие идеи отцов и дедов, — о чем, однако, следовало бы подумать, — и также не может выработать свою собственную общую идею, — над чем поработать все-таки стоит, — то пусть он будет хоть поэтом тоски по общей идее и мучительного сознания ее необходимости» (С. 92). Даже с такими допущениями «Михайловский видит в отсутствии общей идеи зло, которое писатель может попытаться преодолеть» (Сухих И. Н. Сказавшие «Э!»). Современники читают Чехова // А. П. Чехов: pro et contra / Сост., предисл., общая редакция И. Н. Сухих, послесл., примеч. А. Д. Степанова. СПб., 2002. С. 31). Десятью годами позже Н. Михайловский уже отчетливо различает «момент развития г. Чехова», свои прежние мысли о нем находит у «празднболтающих литературных гаменов» и признает, что писатель «уже давно совсем не тот», это «настоящий большой талант, и неудивительно поэтому, что он не остался при безразличном отношении к свету и мраку» (Михайловский Н. К. Кое-что о г. Чехове // Михайловский Н. К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX — начала XX века / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Б. Аверина. Л., 1989. С. 525–526. Далее — с указанием страниц в тексте. — Н. Н.). Критик по достоинству оценил то, что писатель, столь упрекаемый им

ально посвященных ему статьи*: дважды переизданная с тех пор работа А. Долинина «Путник — созерцатель»** и оставшаяся в том времени — С. Золотарёва «Вопросы школы и культуры в творчестве А. П. Чехова»***. Волею судеб эта книга «Заветов» становится последней: с началом Первой мировой войны журнал закрывают. Таким образом, «заветовские» реплики в посмертном разговоре об А. Чехове оказываются едва ли не последними, что прибавляет им значимости. По точному наблюдению И. Сухих, «в августе четырнадцатого время Чехова кончилось, оборвался, как лопнувшая струна, затянувшийся, в сравнении с календарным, девятнадцатый век. В «Настоящем Двадцатом Веке» на какое-то время стало не до литературных споров и не до самой литературы»****.

в «поверхности» и равнодушии, «затосковал» и что «действительность, когда-то настраивавшая г. Чехова на благодушно-веселый лад, а потом ставшая предметом безразличного воспроизведения <...>, вызывает в нем ныне несравненно более сложные и несравненно более определенные чувства» (С. 526). Н. Михайловский убежденно заявляет: «Нет прежнего беззаботно-веселого Чехова, но едва ли кто-нибудь пожалеет об этой перемене, потому что и как художник г. Чехов вырос почти до неузнаваемости. И перемена произошла, можно сказать, на наших глазах, в каких-нибудь несколько лет...» (С. 534). Более того, критик предвидит, что А. Чехов «далеко еще не сказал своего окончательного слова, далеко не вполне выяснился ни в смысле силы таланта, все еще развертывающегося, ни в смысле отношений к действительности» (С. 534). Наблюдая за динамикой этих суждений, нельзя не сказать, что Н. Михайловский, пользуясь его же словом, тоже «вырос» в своем понимании А. Чехова, перестав педалировать излюбленную идею и благодаря этому приблизившись к осознанию специфической «сложности» чеховской картины мира. Р. Иванов-Разумник, не снимая ее драматизма, но и не предъявляя художнику убийственного идеологического счета, идет дальше Н. Михайловского, стремится постичь многотрудную эволюцию чеховского мирозерцания и выявляет безусловные нравственные ценности, лежащие во главе угла чеховского мироздания, чеховской философии жизни.

* Для сравнения: «Русская мысль» откликнулась на скорбную дату лишь заметкой Н. Шаховской «О Чехове» (РМ. 1914. № 7. С. 1–15 второй пагинации).

** Долинин А. 1) Путник-созерцатель (Творчество А. П. Чехова) // Заветы. 1914. № 7. Отд. II. С. 64–102; 2) О Чехове (Путник-созерцатель) // Долинин А. С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе / Сост. А. Долинина. Вступ. ст. В. Туниманова. Примеч. М. Билинкиса и др. Л., 1989. С. 289–331, 468–469; 3) О Чехове (Путник-созерцатель) // А. П. Чехов: pro et contra / Сост., предисл., общая редакция И. Н. Сухих, послесл., примеч. А. Д. Степанова. СПб., 2002. С. 923–960.

*** Золотарёв С. Вопросы школы и культуры в творчестве А. П. Чехова // Заветы. 1914. № 7. С. 103–116.

**** Сухих И. Н. Сказавшие «Э!». Современники читают Чехова // А. П. Чехов: pro et contra / Сост., предисл., общая редакция И. Н. Сухих, послесл., примеч. А. Д. Степанова. СПб., 2002. С. 44.

Можно ли на основании названных материалов говорить о том, что в истории русской критики и журналистики осталось «заветовское» слово об А. Чехове? Каков он, «заветовский» А. Чехов? Есть ли скрепы, позволяющие ощутить некое единство позиций разных авторов, взявшихся за чеховскую тему в ежемесячнике внятной партийно-политической направленности? Или нет никаких внутренних переключек в прочтении А. Чехова Р. Ивановым-Разумником, А. Дерманом, А. Долининым, С. Золотарёвым и читатель сталкивается с полемической направленностью мнений? В чем проступает общее, журнально-программное и в чем — индивидуально авторское? Что представляют собой чеховские страницы в контексте «Заветов»? Поиск ответов на эти и аналогичные им вопросы в конечном счете может способствовать как нюансировке чеховского портрета первого посмертного десятилетия, времени первых итогов и обобщений, так и реконструкции одного из звеньев творческой биографии критиков — будущих исследователей, а также — уяснению редакционной политики собственно периодического издания.

Не претендуя на комплексное решение заявленной проблемы — «Чехов в журнале “Заветы”», — остановимся на некоторых показательных моментах, частично освещенных в специальной литературе, но берущихся нами в преломлении к конкретному изданию и — к «крымскому» тексту.

Примечателен тот факт, что Абрам Борисович Дерман (1880–1952) в молодости, с начала 1900-х годов, прошел школу В. Короленко, благодаря которому обрел потребность, как он сам потом вспоминал, в «мироощущении социальной окрашенности» *****. Закономерно, что, начав свой путь с беллетристики, в рассказах 1900-х годов он — сторонник «моральной взыскательности к жизни, восходящей к этической проблематике Н. Михайловского». Не удивительно, что и как критик, заявивший о себе с начала 1910-х годов в «Заветах» (а также в «Русской мысли» и в «Русском богатстве»), он «сознавал себя продолжателем традиций позитивистской критики (Н. Михайловского, прежде всего)» — с ее «прямым учительством», то есть выработкой у читателя «навыков сознательного отношения к искусству, предполагающему в том числе гражданскую оценку того или иного произведения» *****.

Понятно, что «защитнику народнических преданий», критику с такими корнями, предопределено было стать в «Заветах» своим че-

***** Поливанов К. М., Чанцев А. В. Дерман Абрам Борисович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 2. М., 1992. С. 109.

***** Там же. С. 109.

ловеком. Это подтверждается не только качеством, но и количеством его появлений на страницах «Заветов»: в двадцати восьми книгах этого журнала в общей сложности столько же рецензий А. Дермана и три обширных статьи (в том числе — «О центральной идее Л. Толстого» и о В. Короленко). Сравним: в «Русской мысли» за тот же период всего пять его рецензий, причем первая появляется на исходе 1913 года, когда участие в «Заветах» идет на спад, остальные — подряд в начале следующего*. Как видим, по этому «показателю» сотрудничества критика с журналами безусловное первенство у «Заветов». Нельзя не сказать еще об одном принципиально важном моменте: шестой том «Русской мысли» за 1914 год содержит резко критическую статью А. Дермана об И. Бунине: тот «антипатичен» критику «жесткой трезвостью своего отношения к народу» и «являет собой, — с его точки зрения, — небывалый пример русского писателя, равнодушного к России»**. Попутно заметим, что и в «постзаветовское» время критик настроен «по-заветовски»: отповедь автору «Деревни» — в духе разумниковского отношения к нему и в русле идеологического самоопределения «Заветов», с чем то и дело расходится их реальная литературно-критическая и беллетристическая практика (достаточно назвать публикации рассказа И. Бунина «Весёлый двор», крестьянской хроники Ив. Вольнова «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злключениях»): талантливые произведения вступали в противоречие с программной установкой неонароднического журнала культивировать уважение к мужику и веру в его созидательные исторические силы.

Думается, определяющую роль в обоюдной заинтересованности создателей журнала и А. Дермана друг другом сыграла приверженность критика к идеям социалистов-революционеров. После первой русской революции, живя в Полтаве, он «вступил в контакт с местными эсерами»***, за распространение брошюры об Учредительном собрании был отдан под особый надзор полиции, снятый только в 1914 году, и был выслан из Полтавской губернии. С 1907 по 1914 год А. Дерман живет в Симферополе****. Стало быть, деятельному участию

* Гапоненков А. А., Клеймёнова С. В., Попкова Н. А. Русская Мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. Указатель содержания за 1907–1918 гг. / Вступ. статья А. А. Гапоненкова. М., 2003.

** Поливанов К. М., Чанцев А. В. Дерман Абрам Борисович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 2. М., 1992. С. 109.

*** Там же. С. 110.

**** Незадолго до этого через Симферополь лежал путь и высланного туда Р. Иванова-Разумника. Свой труд по истории русской общественной мысли критик начал писать именно там.

его в «Заветах» расстояние не мешало, а крымский локус, надо думать, побуждал к тому, что станет для начинающего критика делом жизни*.

Помещенные в «Заветах» рецензии А. Дермана на томá чеховских писем позволяют предположить, что «жадный и любовный интерес» к ним и является истоком его чеховедческих штудий. Самое начало отзыва на первый том, содержащий письма 1876–1887 годов, звучит сейчас как мемуарное свидетельство, которое обретает особую цену век спустя: «Трудно указать писателя, эпистолярное наследие которого подверглось бы в короткое время столь энергичной разработке и приобрело бы такую широкую популярность, как наследие А. П. Чехова. Никогда не печатавшиеся при жизни А<нтон> П<авловича> письма его за эти семь лет, протекшие со дня смерти художника, сделались нашим любимым чтением и дали важный материал для суждения о личности и творчестве их автора»**.

Не скрывая радости от столь пристального внимания к Чехову со стороны широкой читательской аудитории, разделяя ее чистосердечный порыв, рецензент болезненно чутко реагирует на случаи «прямых злоупотреблений читательским вниманием». Публикация писем Чехова, поставленная «охочими предпринимателями» на коммерческие рельсы, тревожится А. Дерман, наносит «ущерб <...> одновременно и памяти А<нтон> П<авловича>, и читателю. Только небрежная и явно коммерческая торопливость г. П. Сергеенки в деле издания писем Л. Н. Толстого не позволяет нам сказать, что издательская неразборчивость в средствах достигла своего апогея в обращении с перепиской А. П. Чехова» (С. 192).

Для автора рецензии «несомненно», что «издание сестры покойного художника <...> положит конец всем этим злоупотреблениям»,

* Заметим, что в Крым А. Дерман вновь попадет в годы Гражданской войны; в 1921–1922 гг. он возвратится в Полтаву для подготовки Собрания сочинений В. Короленко, а в 1923-м в Симферополе выйдет его книга «Академический инцидент»: История ухода из Академии наук В. Г. Короленко и А. П. Чехова в связи с «разъяснением» М. Горького (По материалам архива В. Г. Короленко), в 1929-м в Москве увидит свет его «Творческий портрет Чехова», где, между прочим, в главе «Критика Чехова» охарактеризует суждения Р. Иванова-Разумника об этом писателе как «диаметрально противоположные» своим. А. Дерман был составителем и редактором двухтомника «Переписка А. П. Чехова с О. Л. Книппер-Чеховой» (М., 1934–1936). Затем будут «А. П. Чехов: Критико-биографический очерк» (М., 1939), «Москва в жизни и творчестве А. П. Чехова» (М., 1948), «О мастерстве Чехова» (М., 1959).

** *Дерман А.* Письма А. П. Чехова. Т. I (1876–1887), с иллюстрациями. Изд. М. П. Чеховой. Москва, 1912. XXIV+374. Цена 1 р. 25 к. // *Заветы.* 1912. № 3. С. 192. Далее цитируются с указанием страниц в тексте. — *Н. Н.*

поскольку «это вполне идейное, прекрасное и любовно выполненное предприятие. Оно прекрасно по внешности, крайне дешево, широко задумано». Чуть ниже: «Издание выполнено почти безупречно». При этом А. Дермана не заподозришь в субъективности, он мотивирует свое впечатление существенными данными: «О широте его (издания. — *Н. Н.*) можно судить по тому, что в нем помещено около 200 писем, написанных от 1876 по 1887 год, между тем как в наиболее полном из других собраний, в сборнике г. Брендера, всего 168 писем от того же 1876 по год смерти А<нтон> П<авлович>, 1904» (С. 192. Курсив автора. — *Н. Н.*). Впечатляет критика и то, что «издание М. П. Чеховой вместе с тем является полной иконографией Антона Павловича. Здесь не только все фотографии А<нтон> П<авлович>, но и снимки с его родных, фотографии тех местностей, где Чехов подолгу жил. Наконец, каждый том будет снабжен биографическим очерком того периода жизни А<нтон> П<авлович>, к которому относятся помещенные в книге письма» (С. 192).

Разумеется, А. Дерман обращается к содержанию писем и главное достоинство их собрания «воедино» видит в том, что это «наносит удар по трафаретному представлению» об адресанте, «по ходячим и потому шаблонным и банальным суждениям», по «общим местам», когда «и спрос на чеховский биографический материал регулировался общим местом» (С. 193). «Говорить и писать о нем в каком-то умилительно-блаженном тоне сделалось модой <...> и начинало казаться, что, пожалуй, Чехов действительно есть то, что о нем говорят, и что новые документы призваны лишь подкрепить уже сложившееся мнение и, стало быть, сравнительно не так уж важны», — сетует автор рецензии. Общим местом, то бишь «главным упреком современной Чехову критики» было «пресловутое равнодушие» писателя, «его крайняя беззаботность, поверхностный характер его творчества (в период молодости художника)» (С. 193). Письма Чехова, по мысли молодого критика, действительно «заставляют сильно задуматься: так ли уж целиком неправа была старая критика с Михайловским во главе? Да разве сам Чехов сразу отнесся серьезно к своему дарованию и понял, что оно обязывает?» (С. 194). Апеллируя к авторитету Н. Михайловского, А. Дерман в то же время дистанцируется от него, прокладывает на самом деле свой путь, уводящий от проторенного и исхоженного эпигонами знаменитого критика. Ему «любопытно проследить, как вначале шаловливое, легкое и, конечно, поверхностное творчество А<нтон> П<авлович> мало-помалу превращалось в серьезный и ответственный труд», как «Чехов перерождался», как им «начинали выясняться громадные обязанности, которые налагает талант, и которые он впоследствии понял, как редко кто» (С. 194).

В истории «перерождения» Чехова «крайне знаменательным» представляется А. Дерману «процесс исчезновения привычных тем у быстро крепнущего огромного художника»: заглядывая вперед, рецензент отмечает, что со временем Чехова «покинуло изжитое настроение беззаботного и беспечного веселья, под конец жизни, вероятно, чуждое ему не меньше, чем его суровому критику Михайловскому» (С. 194). И все-таки нельзя умолчать о том, что фактическое признание начинающим критиком одномерного и однозначного истолкования раннего Чехова, при всем желании освободить писателя от такового, свидетельствует о том, что он сам до конца не избавлен от власти первоначальных суждений своего кумира о литературном новичке. Но профессиональное чутье побуждает А. Дермана, опираясь на источники, искать разгадки застарелой проблемы.

Чеховские письма, как выявляет автор отзыва, прежде всего вскрывают динамику художнического роста писателя, включая его прямую попытку «изложить воззрения на задачи и природу художественной литературы», и приоткрывают «художническую интуицию», в которой Чехов, по мнению А. Дермана, «неизмеримо сильнее» (С. 195). Он цитирует «самостоятельные и поражающие, прямо гениальные прозрения интуитивного типа», которые, даже спустя четверть века, «не только художниками не усвоены, но и многим критикам чужды», к примеру: «Снисходительно-презрительный тон по отношению к маленьким людям за то только, что они маленькие, не делает чести человеческому сердцу. В литературе маленькие чины так же необходимы, как и в армии, — так говорит голова, а сердце должно говорить еще больше» (С. 195). Такие «догадки», почерпнутые А. Дерманом в чеховских письмах, нагляднее всего опровергают пресловутый «трафарет». Служат этому и обнаруженные в письмах «зародыши будущих произведений и мыслей» писателя, причем «иные фразы, — считает рецензент, — звучат как формулы если не мирозерцания, то мироощущения Чехова», допустим: «Не следует унижать людей — это главное. Лучше сказать человеку “мой ангел”, чем пустить ему “дурака”, хотя человек более похож на дурака, чем на ангела» (С. 196–197). Вместе с тем и письма Чехова к родным, «о домашних делах», воспринимаются А. Дерманом «важнейшей, в биографическом смысле, частью книги» (С. 196). И они, в свою очередь, разбивают стереотип в представлении о внутрисемейных отношениях, атмосфере в доме Чеховых.

Заканчивается рецензия приподнято, можно сказать — патетично: «С нетерпением ждем дальнейших томов этого прекрасного издания <...> Большое спасибо скажет русское общество издательнице за ее образцовый и благоговейно выполненный труд» (С. 197).

После знакомства со вторым томом, состоящим из писем 1888–1889 годов, А. Дерман в первую очередь подчеркивает его «высокий психологический и критико-биографический интерес» и оценивает прочтенное в русле стержневого суждения о потенциальных возможностях эпистолярия для выявления «линии роста и самоопределения чеховской личности» *. Перед критиком, настроенным таким образом, вырисовывается вполне понятная ситуация: как первый том был для него «едва ли не важнее всех будущих томов, ибо по можно было судить о начале роста чеховской личности, о его вступлении в жизнь», так и второй «хочется признать важнейшим, ибо в нем нашел отражение один из интереснейших этапов жизненного пути Чехова» (С. 166). Рецензент справедливо полагает, что, «по-видимому, то же повторится и с дальнейшими томами: каждый будет казаться важнейшим», поскольку А. Чехов «всегда сильно и непрерывно рос, всегда находился в движении» (С. 166).

Вторая книга писем, по убеждению А. Дермана, «дает много материала, характеризующего эволюцию Чехова», помогает воссоздать «картину духовного роста» (С. 166) писателя. «Лирическая искренность», по его мнению, исходит от ставшего хорошо известным письма А. Чехова к А. Суворину («Напишите-ка рассказ о том...»). Суть такого «признания» для А. Дермана в том, что оно — «программа и канва чеховской жизни. Критикам и биографам Чехова предстоит раскрыть содержание этой поразительной схемы» (С. 167). Прочувствовав ее, уже «не оставишь сомнения, что Чехов таким, каким его рисуют мемуаристы, явился в жизнь не сразу во весь рост, <...> но долго и напряженно чеканил свой внутренний облик» (С. 167). Автор рецензии настойчиво, неустанно повторяет заветные мысли, стремясь показать читателю подлинное в А. Чехове, отвратить его от «нездорового и неглубокого институтского обожания», лишаящего писателя «громадной красоты» — она, на его взгляд, сказалась как раз в «постепенном росте от легкомысленного острослова до могучего художника» — но приходится наблюдать обратное: «Вместо изумительной эволюции Чехова находят эволюцию критики: от “ничего не понимавшего Михайловского” к глубокой прозорливости “критиков задним числом”» (С. 167).

Критик останавливается на «примерах работы Чехова над собой, углубления его в жизнь, отличительных чертах чеховского метода познания» (С. 167). И «не боясь проявить якобы неуважение к памяти Чехова», приводит строки, изобличающие его «философию легко-

* Дерман А. Письма А. П. Чехова. Т. II (1888–1889), с иллюстрациями. Изд. М. П. Чеховой. Москва. Ц. 1 р. 50 к. // Заветы. 1913. № 1. С. 166. Далее цитируются с указанием страниц в тексте. — Н. Н.

мыслия», и делает это «не только в интересах истины», но опять-таки для того, чтобы «видна была работа самоуглубления, совершенная» (С. 167) им, видны были «болезненные этапы при выработке мировоззрения» (С. 168). Критик ссылается на примеры «тяжелых сомнений» А. Чехова «в самый расцвет его успехов», когда «мучило отсутствие уверенности в нужности его труда, в его серьезности», и приводит большой фрагмент из последнего письма «разбираемой книги» — о «неудовлетворенности художника», которая «выступает» в нем «с особенной яркостью и поучительностью». В нем А. Чехов пишет «о массе “очерков, фельетонов, глупостей, водевилей, скучных историй, о многом множестве ошибок и несообразностей, пудах испанной бумаги, академической премии, житие Потёмкина (прозвище, характеризующее быстрюю славу Чехова) — и при всем том, — судит себя писатель, — нет ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное литературное значение. Была масса форсированной работы, но не было ни одной минуты серьезного труда... Мне страстно хочется спрятаться куда-нибудь лет на пять и занять себя кропотливым серьезным трудом. Мне надо учиться, учить все с самого начала, ибо я, как литератор, круглый невежда”» (С. 168).

Этот пронзительный по силе монолог писателя А. Дерман заключает созвучным пониманием его художнической природы и обусловленных ей настоятельных исследовательских задач: «Между этой своего рода “авторской исповедью” и беззаботными советами не придавать серьезного значения ни своей литературной работе, ни ошибкам, ни имени — лежит пропасть, и ее Чехов перешагнул, и то, *как* он ее переходил, — является самым интересным вопросом для биографов Чехова» (С. 168. Курсив автора. — Н. Н.). В то же время рецензент обращает внимание на такую сторону «самостоятельности и независимости чеховских суждений», как «запаздывание познания» (С. 168). «Драгоценным свойством» «мудрости» А. Чехова он считает то, что она «не сразу пришла <...>, он ее упорно добывал» (С. 169). Такое понимание чеховских исканий отнюдь не противоречит пафосу дермановского подхода к ним. Завершая отзыв, критик свидетельствует о «громадном интересе» к письмам, в которых А. Чехов делится своими литературными замыслами, анализирует героев своих произведений, дает сжатые и меткие характеристики писателей.

По впечатлению А. Дермана, в третьем томе писем А. Чехова — 1890–1891 годов — «отразился особенно тревожный момент его жизни»*. Причины «внутреннего беспокойства», которое проявлялось

* Дерман А. Письма А. П. Чехова. Т. III (1890–1891), с иллюстрациями. Изд. М. П. Чеховой. Москва, 1913. Ц. 1 р. 25 к. // Заветы. 1913. № 5. С. 214. Далее цитируются с указанием страниц в тексте. — Н. Н.

«в беспрестанных порывах куда-то ехать», критик по-прежнему склонен объяснять состоянием духа, «внутренней неудовлетворенностью» писателя литературной и общественной средой, «на самом деле чуждой, а то и враждебной ему» (С. 214). А. Дерман размышляет о том, почему А. Чехов именно «в путешествиях искал исхода из душевной вялости», с грустной иронией поминает «столь мало специфически “увеселительную” и жизнерадостную поездку на Сахалин» и приходит к заключению: «Материалы третьего тома писем, не давая на вопрос прямых ответов, все-таки бросают на него некоторый свет» (С. 215). Вчитываясь в чеховские строки, он делает единственно верный вывод: «Сахалин, голод, Европа — это не случайности, а вехи глубокого духовного процесса. <...> Нам кажется, — тут же поясняет рецензент, — что этот ряд с несомненностью свидетельствует, что закончился период “беспечного”, назло всем жизнерадостного и веселого Чехова, порой (часто) легкомысленного, веселого “одиночки”, что в нем проснулось это характерно русское сознание ответственности одного за всех, толкающей на вмешательство в жизнь» (С. 215). Звучат, казалось бы, знакомые мотивы, хотя недавней определенности уже нет, понимание перипетий внутренней жизни А. Чехова уточняется и становится более тонким, приближающим к смыслу вершинных моментов чеховской биографии, особенно — к беспримерной поездке на «место невыносимых страданий». Попытка писателя объяснить этот шаг в письме к А. Суворину воспринимается А. Дерманом как «классическое исповедание идеи общей ответственности», равно как и «живейший интерес, проявленный Чеховым к голодной кампании», для критика — проявление «активного вмешательства Чехова в жизнь» (С. 216).

Реализованные художником готовности — лучшие доказательства правомерности дермановской идеи истолкования глубокой чеховской природы. Поэтому не случайно завершается разговор обращенностью к «внутреннему росту личности — <...> по-прежнему главному и важнейшему в письмах Чехова» (С. 217). Сосредоточиваясь именно на этой стороне проблемы рецепции личностного мира писателя, критик наследует, преобразовывая и развивая, увиденное так и сердечно принятое в зрелом А. Чехове Н. Михайловским. Напористое и убежденное оспаривание стереотипного представления об А. Чехове, появление которого в свое время было спровоцировано радикальными оценками того же Н. Михайловского, отходит на второй план. Всем своим строем рецензии А. Дермана дают понять, что у автора их превалирует желание показать общественную складку писателя, а это полностью соответствует жизненной правде, критическому выбору рецензента и духу журнала.

Действительно, в письмах явственнее всего проступает наглядность чеховского самовыражения, эпистолярный источник как нельзя

кстати освежает, обновляет, питает критическую мысль, подтверждает жизнеспособность методологических приоритетов А. Дермана. Однако думается, что разумниковская партитура осмысления А. Чехова сложнее и богаче, диалектичнее: может быть, потому, что материалом ее служило художественное творчество, а не эпистолярное — прямое — высказывание. Но оба критика в постижении А. Чехова сторонятся «моды» на облегченное отношение к нему, избегают умозрительности и догматического нажима, идут в одном направлении, вживаясь в последовательно разворачивающуюся эпистолярную и художническую данности, обнаруживая в них глубинное движение чеховского духа, поиск идейно-нравственной мотивации личностного и творческого предназначения. Р. Иванов-Разумник, в отличие от Н. Михайловского и А. Дермана, специально высвечивает не только драматическую составляющую этого движения, но и его, накапливающуюся к финалу, просветленно-созидательную гуманистическую наполненность.

Сравнительно с осмыслением чеховского пути к «общей ответственности», прочувствованным и индивидуально-творчески выраженным Р. Ивановым-Разумником и А. Дерманом, слово А. Долинина об этом «пути» и самом «путнике» звучит диссонансом, хотя основывается преимущественно на изучении тех же писем, правда, в совокупности с воспоминаниями. Аркадий Семёнович Долинин (1880–1968), в то время — недавний выпускник Петербургского университета, ученик С. Венгерова, — человек иной, нежели А. Дерман, школы, но, как ни парадоксально на первый взгляд, именно в «Заветах» удачно заявивший о себе статьями об акмеизме и психологии творчества Ф. Сологуба*. До этого в двух номерах «Русской мысли» мелькнули рецензии молодого филолога, в которых отчетливо проступало «резкое» неприятие социологических тенденций в критике и литературоведении, не имеющих ничего общего с его склонностью к «анализу художественных форм» и распознаванию «психологической доминанты творческой личности художника»**.

* Долинин А. С. Акмеизм // Заветы. 1913. № 5. Отд. II. С. 152–162. См. об этом: Новикова Н. В. 1) Р. В. Иванов-Разумник — литературный редактор и критик журнала «Заветы» — о дебюте акмеистов // Вестник МГОУ: Научный журнал. Серия «Русская филология». № 2. 2007. М.: Изд-во МГОУ. С. 200–209); 2) Отрешенный (К психологии творчества Фёдора Сологуба) // Заветы. 1913. № 7. Отд. II. С. 55–85. Обе статьи были перепечатаны (См.: Долинин А. С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе / Сост. А. Долинина. Вступ. ст. В. Туниманова. Примеч. М. Билинкиса и др. Л., 1989. С. 408–418, 419–451, 471–473).

** Долинин А. А. Долинин Аркадий Семёнович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 2. М., 1992. С. 153–154.

А. Чехов у А. Долинина, как известно, — «пустынник-созерцатель», находящийся «всегда <...> на известном расстоянии от окружающих», «всю жизнь свою» скрывающийся «под непроницаемой броней»*. Неуклонно, на протяжении всей статьи, автор выстраивает мемуарные характеристики А. Чехова и его эпистолярные самохарактеристики в соответствии со своим образом чеховской «души», складывающимся под воздействием подлинных свидетельств, и ищет «правильный путь к изучению» этой многосложной «души» (С. 66), подсказанный все теми же источниками. В этом «изучении» отводится место «глубокому чувству личности, законченной индивидуальности» писателя, с молодых лет «свидетельствующим о коренной свободе его духа» (С. 67). Отсюда, по А. Долинину, чеховская «обособленность, точно раз навсегда взятая позиция не столько участника, сколько *созерцателя жизни*» (С. 68. Курсив автора. — Н. Н.).

В «контурах облика Чехова», воссоздаваемого исследователем, — его жизнь, которая «все время шла врозь с жизнью общественной» (С. 69), «намеренно холодное искусственно незаинтересованное отношение» (С. 71) к окружающему. «Еще раз повторяем, — пишет А. Долинин, — Чехов учил тому, что ему давалось легко, без труда, чему он постоянно следовал по природе своей, в силу изначального, лежавшего в основе его душевной организации, чувства личности, законченности и отсюда некоторой отодвинутости от реальности и человека» (С. 72)**.

Проявление этих личностных качеств, по мысли автора работы, не могло не наложить отпечаток на «мироощущение» А. Чехова-художника, сказавшееся в собственно художественной сфере склонностью к «анализу по преимуществу» и «слабым ощущением связи между <...> предметом и явлением» (С. 74). Доминантой «изучения» чеховского мира души и мира творений писателя оказывается у критика-исследователя характерная антиномия: «Видел, слышал и чувствовал все индивидуальное, единичное в окружающем внешнем мире, был в изображении этого индивидуального исключительным, единственным, которому не всегда легко найти равного, — вот каков был творческий удел Чехова; но ему не дано было знать и ощущать ту единую силу, которая движет всю жизнь вперед, и в этом <...> заключалась его личная трагедия» (С. 80).

Дальнейший разворот мысли направлен на то, чтобы аналитически подтвердить эту «основную черту его характера, направляющий тон его мироощущения» (С. 81): «Цепь, разорванная на множество звеньев, мир, распавшийся на отдельные атомы, — вот какой воспринимает

* Долинин А. Путник-созерцатель (Творчество А. П. Чехова) // Заветы. 1914. № 7. Отд. II. С. 66, 65. Далее цитируется с указанием страниц в тексте. — Н. Н.

** Этот фрагмент отсутствует в переизданиях.

Чехов жизнь, окружающее» (С. 88). В этом «бесчисленном множестве отдельных осколков, ничем между собой не связанных» А. Долинин усматривает «корни огромного дарования» писателя, «исключительного по глубине и остроте знания души каждой индивидуальности, непременно индивидуальности, но здесь же и причины его личного несчастья, его роковой неудовлетворенности, его тоски по “общей идее”, по “норме или, — как иначе он еще называет ее, — по Боге живого человека”» (С. 81).

Подытоживая разговор об А. Чехове как «путнике-созерцателе», автор статьи вновь обращается к «причине его личной трагедии, его страха, непонимания жизни в ее целом, его непоправимого одиночества»: «Чехову именно недоставало “чувства бесконечного”» (С. 102). Последний штрих, дорисовывающий «грустный, задумчивый облик Чехова», воспроизводит центральную идею исследования: «Он искал “общей идеи”, “Бога живого человека”; он развенчивал все наши частные идеи, наши временные ценности. Причина все та же: *бегство от самого себя*, неодолимое стремление выйти за пределы своей законченности, обрести настоящий всеобъемлющий синтез» (С. 102. Курсив автора. — Н. Н.)*.

Нельзя не согласиться с И. Сухих, оценивающим концептуальный результат главенствующей мысли: «Это, в сущности, очередное перефразирование идеи Михайловского о тоске по общей идее как замене самой общей идеи»**. И все-таки уточним, что Чехов — «художник страха перед жизнью»***, каким он в конечном счете и предстает со страниц долининской статьи, возвращает к Н. Михайловскому 1890 года, то есть выразитель новоявленной идеи поворачивает вспять. Не будучи сторонником народнических взглядов на литературу, выучеником Н. Михайловского, он походит на его запоздалого «попутчика». Через десять лет старейшему критику доведется быть заинтересованным свидетелем и оценщиком того, как А. Чехов не «“кончает”», а «продолжает». «Конец г. Чехову еще далеко не видно, — воодушевляется Н. Михайловский. — За рассказами “О любви”, “Крыжовник”, “Человек в футляре”, “Случай из практики” он дал широко задуманный и превосходно выполненный рассказ “В овраге”. И это новый шаг вперед»****.

* В переизданиях курсив снят.

** Сухих И. Н. Сказавшие «Э!». Современники читают Чехова // А. П. Чехов: pro et contra / Сост., предисл., общая редакция И. Н. Сухих, послесл., примеч. А. Д. Степанова. СПб., 2002. С. 32.

*** Там же. С. 35.

**** Михайловский Н. К. Кое-что о г. Чехове // Михайловский Н. К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX — начала XX века / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Б. Аверина. Л., 1989. С. 540.

Получается, что этот «новый шаг» остался вне поля зрения молодого критика-исследователя и тем самым переместил его с магистральной «изучения» чеховского феномена куда-то в сторону.

Замыкает ряд публикаций, посвященных Чехову, статья Сергея Алексеевича Золотарёва (1872–?). Уже по незнанию потомками даты его смерти можно предположить, что он вряд ли посягал на роль властителя дум, но нельзя усомниться в том, что он был добропорядочным тружеником на ниве просвещения (в прямом и широком смыслах этого слова). И. Масанов аттестует его кратко: «Педагог», — и приводит пять псевдонимов, под которыми тот печатался*. В другом справочном издании сказано о том, что С. Золотарёв — писатель, преподаватель петербургских гимназий, выпускник Московского университета, работавший по преимуществу в педагогических журналах и газетах. Кроме того, незадолго до интересующего нас момента, он отдельно издал «Очерки по истории педагогики» (1910), «Теорию словесности» (1911) и «Очерки по истории литературы» (1912)**.

У писателя-педагога — свой запрос к классику, поэтому его статья стоит несколько особняком в «заветовской» «чеховиане». Автор ее не озабочен «разгадыванием» А. Чехова, вынашиванием предложений по его «изучению» — принципиально значимыми для него являются чеховские образы учащихся и учащихся. И оказывается, что такой чеховой, узкий, на первый взгляд, подход к наследию писателя суживает только рамки разговора о нем, а не границы представления. Прежде чем описать то, что означают «вопросы школы и культуры» по-чеховски, С. Золотарёв как благодарный читатель не скрывает чувств симпатии: «Чехова мы читаем по-прежнему, и каждое новое напоминание о нем, в виде, например, сборника его писем, нам приятно и дорого. Мы слушаем в его строках его голос, несомненно благожелательный, но немного загадочный...»***. Правда, попытка очертить общие тенденции отношения к А. Чехову и обозначить вехи его творческого становления — не самая сильная сторона этой специфической работы. Вторичность и упрощающий картину схематизм здесь, пожалуй, неизбежны, но с выпрямлением, искажающим смысл чеховского образа в угоду насущной педагогической задаче, согласиться никак нельзя. «Только к концу своей деятельности, улавливая новые симптомы в об-

* Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. М., 1960. С. 198.

** Золотарёв Сергей Алексеевич // Русский биографический словарь: в 20 т. Т. 7. М., 1999. С. 307.

*** Золотарёв С. Вопросы школы и культуры в творчестве А. П. Чехова // Заветы. 1914. № 7. С. 103. Далее цитируется с указанием страниц в тексте. — Н. Н.

щественности, Чехов начинает мечтать и умирает с попыткой светлой мечты о новой жизни, которая подрубит созданную рабскими трудами красоту “вишневого сада”, и “будет вся Россия — наш сад”» (С. 104) — таков образчик суждений С. Золотарёва.

Как видим, автор заключительной работы об А. Чехове тоже идет в фарватере Н. Михайловского, но в данном случае — идеологически утилитарно усваивая его требования к литератору как таковому и по-временные претензии конкретно к герою своей собственной статьи. Стремление С. Золотарёва подтянуть репутацию любимого писателя до желаемой гражданственной нормы не столь безобидно. Нечто подобное, к прискорбию, тиражировалось десятилетиями в школьных учебниках литературы. Потребность отыскать в творчестве А. Чехова исторически важные подсказки сама по себе показательна и обусловлена общественно-педагогической складкой автора. Каким образом он выскует чеховских ответов на острые вопросы времени, можно понять из финальной фразы, заимствованной у А. Чехова: «Обойти то мелкое и призрачное, что мешает быть свободным и счастливым — вот цель и смысл нашей жизни. Вперед!» (С. 116).

Пафос деятельного, созидательного отношения к жизни, в восприятии С. Золотарёва, распространяется и на чеховское изображение знакомой ему среды. «Педагогическая система, которая задается антипедагогическими по существу стремлениями, русская школьная система последних десятилетий, изображена Чеховым бесподобно» (С. 108), — со знанием дела отзывается писатель-педагог. Эту «бесподобность» он находит в увиденной Чеховым склонности учителей к «футлярности» и с болью и горечью делает великолепный обзор чеховских персонажей такого плана, вплоть до рудиментарных, из рассказов «Наивный леший», «Учитель словесности», «Папаша», «Размазня», «Моя жизнь»; подробно говорится о Николае Степановиче из «Скучной истории», разумеется, о Беликове из титульного «Человека в футляре», о Кулыгине из «Трех сестер», разговор касается даже унтера Пришибеева (предпосылкой его охранительных замашек, «гражданской заботы об искоренении “своеволия и неповиновения”» автор статьи считает двухгодичную службу героя «“в швейцарах <...> в мужской классической прогимназии”», после которой можно было смело заявлять: «“Все порядки знаю-с”» (С. 108)).

В созданных А. Чеховым образах, удручающих добровольной внутренней «футлярностью», С. Золотарёву внятно ощущение ее губительности. Она сказалась и скажется на воспитании подрастающего поколения, поскольку «вне условий свободы не может быть творчества. <...> Педагог в футляре не свободен, следовательно, не может быть творцом, а педагогика без творчества — самое жалкое, противное

и вредное дело в общественном и личном отношении» (С. 112). Отсюда, по логике писателя, опирающегося на чеховские картины, во избежание катастрофы, во имя установления раскрепощающей дух свободы следует «выходить из тесного круга обычной деятельности и действовать на массу» (С. 115). Осознавая ответственность учителя перед будущим, С. Золотарёв не мог не вдохновиться мыслью о том, что «человечество идет вперед» (С. 115), «под напором новой жизни» начинается прощание со «старым укладом» (С. 116). И надежду на обретение действительной свободы он извлек из чеховского же последнего творения.

В тандеме с концепцией А. Долинина, с учетом предыдущих, подход к А. Чехову С. Золотарёва должен, видимо, играть буферную роль, способствовать достижению приемлемого баланса разных точек зрения, напомнить о «заветовских» идеалах. Итожитель «чеховского» сюжета «Заветов» поставлен в такую позицию, скорее всего, благодаря недвусмысленно заявленной причастности к тому императиву, который исповедовали и создатели ежесемейника. Идея служения высшим идейно-нравственным целям бытия, заданная обращением к столпам освободительной мысли в первом номере журнала, — общий знаменатель всех собранных здесь высказываний об А. Чехове. Другое дело, напрямую или от противного этим критерием пользовались все четверо авторов, ведь в пространстве критики у каждого из них был свой участок, свои пристрастия, свои задачи и приемы в истолковании личности и художественного наследия классика. Активизация узловых моментов развивающегося отношения Н. Михайловского к А. Чехову, явленная в основных положениях статей Р. Иванова-Разумника, А. Дермана, А. Долинина и С. Золотарёва, при отсутствии корректировки их позиций со стороны редакции, свидетельствует о ее намерении воссоздать спектральное полотно, дать срез объективного положения вещей. Полемический ряд с его безнажимной педагогикой обнаруживает готовность «заветовцев» к диалогу с читателем и доверие к нему. В начале 1910-х годов А. Чехов и чеховское идеально подходили для разговора о настоящем и будущем человеке.

